

Едва Чу Инь переступил порог дома, как столкнулся с Чэнь Мэйсянем — глаза того были красны от бессонницы или ярости.

Чэнь Мэйсянь стоял в дверном проёме, и от его приветливого облика не осталось и следа.

— Инь, — голос дрожал от сдавленного гнева, — ты вообще видел, сколько пропущенных от меня?

— А ты разве не игнорировал мои звонки, — Чу Инь прошёл мимо и рухнул на диван, — когда бежал на свидания к своим мальчикам?

Чэнь Мэйсянь резко повернулся, его взгляд прилип к расстёгнутому воротнику Чу Иня.

— Ты был с кем-то? — выдохнул он хрипло.

— А тебе какое дело? — Чу Инь с насмешкой бросил через плечо и с наслаждением уткнулся в подушку, давая понять, что разговор окончен.

— Как это не моё дело? Разве я не твой парень? — Чэнь Мэйсянь приближался медленно, как хищник, и каждый его шаг отдавался в тишине комнаты.

Чэнь Мэйсянь стал первой любовью Чу Иня — той самой, что оставляет шрамы на всю жизнь. Они были вместе десять лет. За это время Чэнь Мэйсянь менял любовников как перчатки, тогда как для Чу Иня он оставался единственным.

Секрет власти Чэнь Мэйсяня был прост: дело было не в красоте и не в обаянии, просто он стал воплощением тех ранних травм Чу Иня, что превращали любовь в болезненную зависимость, а расставание — в экзистенциальную угрозу.

Возможно, виной всему было детство в приюте: Чу Инь до болезненности цеплялся за всё, что хоть как-то принадлежало ему. Вещи, давно потерявшие всякую полезность, люди, ушедшие из его жизни — всё это он скрупулёзно хранил в чертогах памяти. Что уж говорить о Чэнь Мэйсяне — живом человеке, прошедшем с ним через самые мрачные годы.

В двадцать лет Чу Инь потерял приёмную мать.

Чэнь Мэйсянь не просто вытащил его со дна алкогольного забвения — он стал тем, кто протянул руку в кромешной тьме. Фраза «теперь я твоя семья» прозвучала как обет, но превратилась в пожизненные кандалы.

Их первая ночь в двадцать один год стала не актом любви, а кровавым ритуалом. Чэнь Мэйсянь истязал его с холодной страстью садиста, тогда как Чу Инь, зажмурившись, терпел боль — не

из удовольствия, а из страха потерять последнюю нить, связывающую его с этим миром. Слёзы он приберегал для тишины ванной комнаты.

В двадцать три года нежданное предательство Чэнь Мэйсяня стало для Чу Иня ударом под дых. Истерика длилась всю ночь — он метался между яростью и отчаянием, требуя немедленного конца. Но наутро застал его коленопреклонённым в снегу, с лицом, размытым слезами, дающим обещание, которое — как они оба знали — лживое.

В двадцать четыре года, на пике карьеры Чу Иня, измена повторилась — но на этот раз с «философским» обоснованием. «Любовь к тебе заставляет меня щадить тебя», — говорил Чэнь Мэйсянь, находя извращённое оправдание своим садистским наклонностям. Постепенно его риторика эволюционировала от разделения «тела и души» до откровенного обвинения жертвы: «Если бы ты мог удовлетворить мои потребности, мне бы не пришлось искать других».

Переступив четвертьвековой рубеж, он ощутил, как метаболизм замедляется до скорости континентального дрейфа. Теперь даже безобидный молочный чай мгновенно превращался в те самые лишние килограммы, что когда-то высмеивали у Чжоу Цзелуня. Но куда страшнее была опустошённость души: исчез последний азарт для погони за любовными миражами, иссох источник слёз для прощения, истаяла вера в то, что блудный парусник когда-нибудь вернётся в его гавань.

Сейчас, в двадцать восемь, Чу Инь уже не помнил, где пролегли те границы, что он когда-то считал нерушимыми. А Чэнь Мэйсянь, в свою очередь, окончательно отбросил маски и предстал во всей своей неприглядной сути.

Усталость Чу Иня была тотальной — будто кто-то выжег в нём всё, что когда-то было живым.

— Нам нужно расстаться.

Эти слова прозвучали без привычной дрожи в голосе. Чу Инь смотрел на Чэнь Мэйсяня взглядом человека, пережившего слишком много штормов, чтобы бояться тишины после бури.

— Прощу, прости... — голос Чэнь Мэйсяня дрожал искусно выверенной дрожью, веки были припухши от слёз. Он говорил об исправлении, о шести месяцах воздержания, о клятвах хранить верность — и всё это время в подкорке мозга шептала уверенность: «Сорвётся. Всегда срывается».

Ведь Чу Инь и правда был идеальной жертвой: его угрозы о разрыве давно стали ритуалом, требующим лишь немного театрального раскаяния. Глупец, чьё сердце всегда открывалось навстречу новым ударам.

Но на этот раз слова прозвучали иначе — четко, ровно, решительно:

— Чэнь Мэйсянь. Это не просьба. Это конец.

Чэнь Мэйсянь сделал вид, будто не расслышал, и продолжил мягким, убаюкивающим тоном:

— Дорогой, тот некрасивый инцидент с папарацци уже забыт. Но твой творческий отпуск затянулся — помни о контракте, съёмочная группа ждёт тебя в Хэндяне послезавтра. Время вылета сообщу позже. И прекрати этот детский бунт.

— Не меняй тему, — голос Чу Иня был холоден. — Я не шучу.

Слова подействовали как удар током: Чэнь Мэйсянь отшатнулся, будто увидел призрак.

— Значит... ты хочешь разорвать контракт?

Чу Инь замер. В первые годы их знакомства он доверял Чэнь Мэйсяню безгранично, фактически передав тому бразды правления своей жизнью. Он совершенно не разбирался в профессиональных тонкостях — без Чэнь Мэйсяня он даже не смог бы подсчитать сумму штрафа за расторжение контракта.

Чэнь Мэйсянь вновь почувствовал вкус победы. Его голос стал мягче, словно он уговаривал капризного ребёнка собрать портфель в школу:

— Я знаю, ты зол. Но то происшествие... никто не мог его предвидеть.

Под «происшествием» скрывался громкий скандал: Чэнь Мэйсяня с очередным любовником, молодым актёришкой, застал врасплох Чу Инь, готовивший ему сюрприз. Естественно он был зол и закатил скандал. Кто мог подумать, что брошенные в гневе слова запишут и вывернут до неузнаваемости? Наутро все заголовки буквально кричали: «Народный кумир Чу Инь — участник оргии! Слухи о его либидо подтверждены!».

Любовная интрижка — всего лишь дурной тон, но клеймо гомосексуала в их мире становилось приговором. Чу Инь знал: одно неосторожное слово — и его путь в шоу-бизнесе оборвётся навсегда.

— Поверь, — слова текли, как патока, — каждое моё решение продиктовано лишь заботой о тебе.

Чэнь Мэйсянь потянулся к нему, голос стал тише и мягче:

— Я буду нежным. Перестань злиться, хорошо?..

Он вдруг замер, рука зависла в воздухе.

— Ты... без белья? — прошептал он, мозг отчаянно пытаясь сложить дважды два. — Но вчера ты ведь...

Молчание Чу Иня было красноречивее любых слов.

— ТЫ ИЗМЕНИЛ МНЕ?! — голос Чэнь Мэйсяня взлетел до визга. — ГОВОРИ, С КЕМ ТЫ БЫЛ?!

Изначально Чу Инь ещё собирался найти оправдание, но, увидев гневное, обвиняющее выражение лица Чэнь Мэйсяня, в нём внезапно вспыхнула ярость:

— А тебе какое дело? В любом случае он был намного лучше тебя! И в процессе было приятно, и потом не больно!

— Значит, он просто мельче! — с рыком бросился на него Чэнь Мэйсянь. — Сейчас ты у меня прочувствуешь, что такое настоящий кайф!

— Что же ты за урод-то, а?! — Чу Инь с силой отшвырнул его ногой с дивана, в ярости затопал к спальне и с грохотом запер дверь. Несколько минут в дверь ещё стучали, но после звонка всё стихло — видимо, срочные дела заставили Чэнь Мэйсяня уйти, бросив лишь сообщение в мессенджере.

«Дорогой, я погорячился. Вызывают по работе — придётся уйти. Сосредоточься на съёмках, скоро обязательно приеду».

Любая реакция Чэнь Мэйсяня причиняла бы боль: возмущение — лицемерием, равнодушие — холодностью. И этот замкнутый круг доказывал самое горькое: Чу Инь по-прежнему в плену этих токсичных отношений. С горечью пнув ногой пол, он уткнулся в сценарий, где чужие драмы хотя бы подчинялись логике.

Как раз набирали популярность фэнтези-дорамы с двумя главными героями-мужчинами, и в одной из них Чу Инь должен был составлять пару самому Яо Чжаоу. Перебирая в памяти детали проекта, он внезапно вспомнил: а ведь Вэй Лай — бывший агент Яо Чжаоу.

Одна лишь мысль о предстоящей возможности устроить разнос Вэй Лайю подействовала лучше любой терапии. Устроившись поудобнее с маской на лице и антицеллюлитной плёнкой на бёдрах, Чу Инь наконец смог сосредоточиться на сценарии.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13937/1228013>